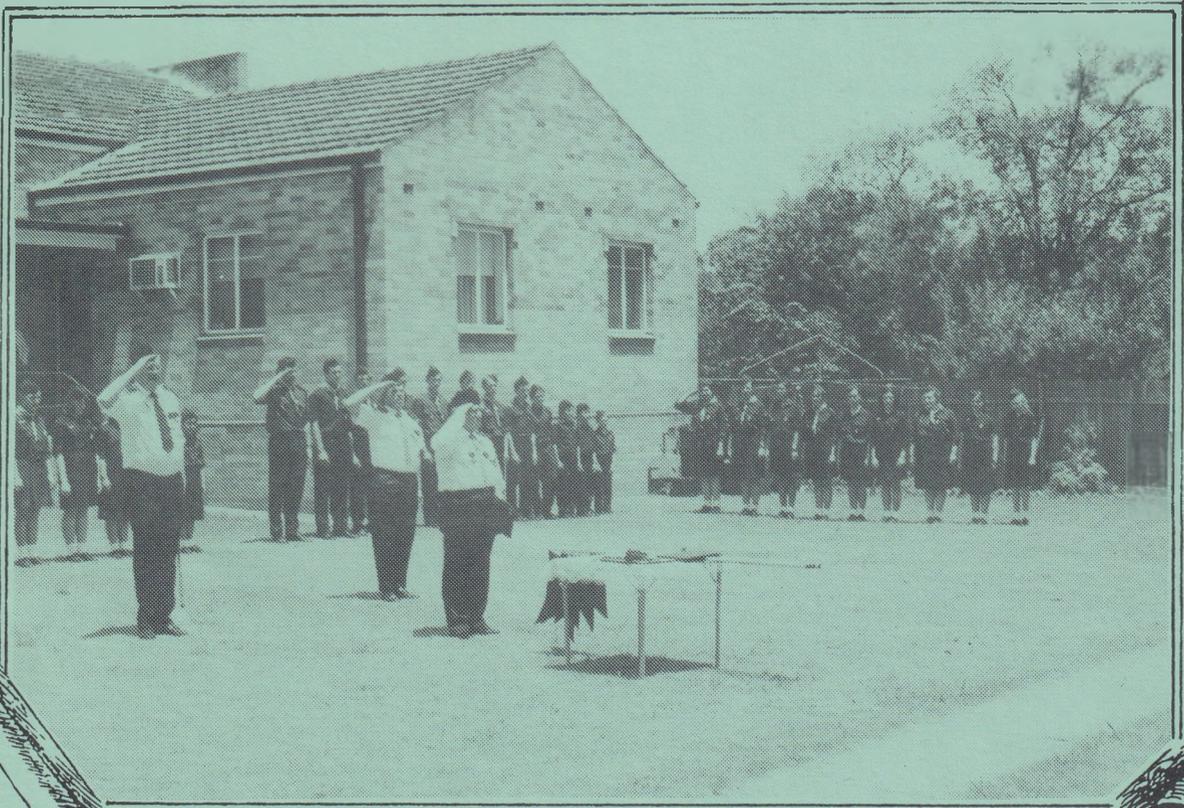

АВСТРАЛИАДА

Русская
ИСТОРИЯ

СИДНЕЙ

Июль 1999 г.

Из ранней истории

Елена ГОВОР

Маленькая Сибирь на плато Атертон

В 1940 году, когда во время второй мировой войны Австралия была охвачена шпионофобией и многие эмигранты оказались под подозрением, власти Атертона—маленького поселка, затерянного среди тропического леса северного Квинсленда—обнаружили своего собственного «шпиона». Им сочли Никифора Хоменко, русского поселенца из лесов Гадгарры, который, будучи ненатурализовавшимся иностранцем, не зарегистрировался в полиции, как требовали того условия военного времени. Хоменко тут же привлекли к суду. На судебном процессе он заявил, что живет в Гадгарре уже 25 лет и полагал, что был натурализован много лет назад. Суд проявил «великодушие», благодаря чему один из пионеров Гадгарры не был посажен в тюрьму как шпион, а лишь оштрафован на большую сумму денег. Хорошо еще, что атертонские детективы не копнули глубже, т.к. в начале 1920-х годов в донесениях секретной полиции Хоменко фигурировал в качестве представителя некоей полумифической «Секретной Семерки», которую власти считали «самой тайной, активной и опасной» просоветской группой в Австралии. После суда Хоменко подал новое заявление на натурализацию и местный полицейский, который занялся сбором сведений о нем, обнаружил, что хотя Хоменко и живет в Австралии с 1913 года, его английский оставляет желать лучшего, так как он «может читать только большие печатные буквы и едва говорит по-английски». Объясняя начальству, как же этот русский смог прожить в стране 27 лет без языка, полицейский писал, что Хоменко «жил в местности, где проживали другие русские, и поэтому он обходился преимущественно русским языком». Прожить столько лет в Австралии, не нуждаясь в английском, можно было действительно лишь в достаточно большой русской общине. В июле 1996 года, собирая сведения об этой русской колонии, я встретилась с Биллом Хоменко, сыном Никифора, на его ферме на дороге Гадалова, в самом сердце Гадгарры. «Мы так и называли эти места—«Маленькая Сибирь», сказал Билл, вспоминая о тех далеких годах.¹

Но даже Билл не помнил, что основателями Маленькой Сибири была семья Ильиных, о которых мы уже рассказывали в «Австралиаде». Ее глава Николай Дмитриевич Ильин (1852-1922),—недоучившийся студент, мелкий чиновник, адвокат, писатель, поэт и вечный борец за справедливость,—в 1892 г. бежал из Петербурга в Патагонию, а затем, узнав о «справедливости австралийских властей», решил переехать с семьей в Австралию. Его захватила идея основать здесь русскую колонию. Казалось, демократическая Австралия идеально подходила для этого. Ильины—Николай, его жена Александра и их взрослые дети Леандро, Ромелио и Ариадна—приехали в Брисбен в сентябре 1910 года. Именно в этом году началась массовая русская эмиграция в Австралию. «Далеко, очень далеко Австралия от русского человека, а все же он ее нашел,—писал Николай.—Каждый японский пароход привозит в восточно-портовые города этой страны по несколько десятков наших земляков, прибывающих сюда из Сибири». Остановившись на неделю в Сиднее, Николай познакомился с рядом иммигрантов и обсудил с ними планы основания русской колонии на тропическом севере Квинсленда, где он сам намеревался поселиться. В частности, он пригласил в проектируемую колонию Михаила Гадалова, который приехал в Австралию незадолго до Ильиных. Добравшись до Атертона и взяв три участка земли, покрытых «дремучим, вековым» тропическим лесом, Николай стал приглашать сюда других русских. Шесть месяцев спустя, 15 марта 1911 года, он писал: «Я сделал все, что мог, чтобы привлечь моих соотечественников поселиться по-соседству со мной, и в результате 11 участков земли в Гадгарре уже заняты русскими». План колонии очевидно имел успех, т.к. в июле того же года Михаил Гадалов, который тоже взял там участок, писал в письме в сибирскую газету, сравнивая две русские колонии: в Вэлламбилла около Рома «поселилась публика попроще, в том же месте, где взял я,—несколько поинтеллигентнее. Например, на последних днях взяли три участка по 160 акров восемь молодых людей, некоторые из них—невольные граждане Австралии». «Невольные граждане»—это был эвфемизм для обозначения политэмигрантов, бежавших из России в Австралию. Некоторые из соседей Ильиных оставались в Гадгарре недолго и вскоре бросали участки, так и не приступив с раскорчевке леса, некоторые начинали работы, но не выдерживали изнуряющей борьбы с тропическим «скрэбом»—так в этих местах называли непроходимый лес—и переселялись в более благоприятные районы. Выстояла лишь горстка самых крепких.

Среди них была семья Гадаловых. Михаил Васильевич Гадалов (1883-1972) родился под Красноярском на берегах Енисея и происходил из известной купеческой семьи сибирских золотопромышленников и меценатов. Он приехал в Австралию в 1909 году с женой Феодосией (ур. Бобровой) и тремя маленькими детьми—падчерицей Ольгой (р. 1900) и сыновьями Валерианом (р. 1904) и Евгением (р. 1906). Самый ценный сокровищем в его скромном багаже была пачка фотографий его друзей—открытые серьезные интеллигентные лица, или это время делает их таими?—портрет Веры Засулич и письмо 1901 года от его первого учителя, политического ссыльного Константина Ефименко: «береги же друг мой честь..., береги свое человеческое достоинство с особенным усердием, ... не развивай у себя жадности к наживе, будь доволен тем, что ты заработаешь..., от трудов своих праведных помогай бедному в нужде человеку по силе возможности и делай это без всякого разбора в вероисповеданиях, ... будь то еврей, татарин или русский».

Михаил оставил в России хорошую работу продавца и бухгалтера, пожертвовал возможными блестящими перспективами в семейных предприятиях, отказался от удобной жизни во Владивостоке — мы жили там в хорошем доме, расположенном на склоне холма, и оттуда открывалась прекрасная панорама: гавань и бухта Золотой Рог полная кораблей... Мы с женой каждую неделю ходили в театр, там был отличный театр, один сезон была хорошая опера, шли пьесы из современной русской жизни». Важнее всех этих удобств для него, как и для десятков его друзей, было осуществить на практике простые заветы его учителя. Разбуженный первой русской революцией, он занялся организацией рабочих в профсоюзы, был ненадолго арестован и находился под полицейским надзором. Обстановка была столь напряженной, что не оставалось другого выхода, как бежать из России.

Приехав в Австралию, Михаил работал на строительстве железных дорог и на лесопилке, живя в палатке и питаясь сушеным мясом, в то время как Феодосия с детьми оставалась в Брисбене. Она стала брать на дом заказы с фабрики на шитье мужской одежды. Ее заработки едва хватало на содержание семьи. Но несмотря на все эти трудности они были полны оптимизма: «Никто из нас не думает, что мы поехали напрасно (не говоря уже про ребят, которые начали плакать, когда им в шутку предложили ехать обратно в Россию)... не надо дрожать за завтрашний день и, наконец, за свою свободу», — писал он в газету «Далекая окраина» в 1911 году.

В 1912 году Гадаловы поселились в Гадгарре на участке 57, который находился глубоко в джунглях. Дорога к их участку была проложена по тропе аборигенов, которая вилась по гребню холмов, разделяющих истоки рек Бутчер Крик и Карибу Крик. Гадаловы стали первыми постоянными поселенцами на этой дороге и вскоре она получила название «дорога Гадалова». Большой очерк-письмо Михаила о его австралийских впечатлениях, опубликованный в «Далекой окраине», привлек внимание не только потенциальных русских эмигрантов, но и Квинслендского бюро информации и туризма. Оно перевело на английский наиболее оптимистичные отрывки из письма (оставив без внимания всю его критическую часть) и стало из года в год перепечатывать их в своих рекламных брошюрах для залучения иммигрантов. А Михаил в это время начал свою борьбу со скрэбом. Из 169 акров 125 срубил он сам. Феодосия рядом с ним безропотно несла свою долю. Условия жизни для женщины, на руках у которой было трое детей, были очень трудными. Их первым домом была палатка, затем сарай из гофрированного железа и только потом настоящий дом, сложенный из бревен. На участке земли, отвоєованном у джунглей, сеяли траву и пасли коров. Дважды в день из года в год она доила растущее стадо, перетаскивая в своих руках тонны молока. Но тяжелее всего было одиночество. Феодосия так и не научилась говорить по-английски, и соседи вспоминали, как, бывало, она сидела одна в доме и тихо плакала. Она умерла в 1922 году, будучи одной из первых русских, похороненных в этом крае.

В 1926 году Михаил Гадалов съездил в Россию и привез на ферму свою новую жену, Бетти. Здесь у них родилось двое сыновей, Игорь и Росс. Их ферма «Золотое дно» не принесла им большого состояния, но все-таки была одной из лучших ферм в районе. Это позволило и старшим, и младшим детям Михаила Гадалова получить хорошее образование и передать тягу к знаниям следующему поколению; большинство их детей и внуков имеют теперь университетские степени. Михаил продал ферму в середине 1940-х годов и переехал в Брисбен. Его потомки стали австралийцами, но один из его внуков, Пол, выучил русский язык в Университете Квинсленда и побывал в России. Петр, другой его внук, живущий на Золотом Берегу, заканчивая интервью со мной, сказал: «Мой дед происходил из рода золотопромышленников, а мой сын стал геологом и работает на золотых приисках в Калгурли, колесо прошло полный круг».³

Семья Хоменко в 1915 году поселилась на участке 58, по соседству с Гадаловыми. Никифор Петрович Хоменко (р. 1884) и его жена Вера (ур. Хныкова) родились в маленьком белорусском городке Черикове. Никифор, сварщик по профессии, ремонтировал суда. Сначала они переехали на Дальний Восток, затем, в 1913 году, отправились с волной эмигрантов в Австралию. Старший сын Никифора Билл (Василий) Хоменко рассказывает: «Я родился во Владивостоке в 1913 году и был еще совсем маленьким, когда родители на корабле поплыли в Австралию. Приехали в Дарвин, но там место не понравилось, она жаловалась, что солнце стоит прямо над головой, слишком жарко. И тогда они отправились в Кэрнс. А потом переезжали с места на место, туда, где отцу удавалось найти работу. И вот, когда отец работал на строительстве железной дороги между Маландой и Тарзали, кто-то ему и говорит: "Почему бы тебе не взять участок земли, а то ты работаешь то здесь, то там, а ведь у тебя семья". Вот тогда он и взял эту землю. В те годы можно было взять участок и если он тебе понравится, заплатить небольшой взнос, и его записывали в книге за тобой. Это был сплошной скрэб. Мы поселились здесь в 1915 году и были второй семьей на дороге Гадалова. Я помню, как отец начал вырубать скрэб вот у этого небольшого крика, и мы с братом спустились к крику играть в прятки, а родители все беспоконились, что мы свалимся в него и утонем. Отец вырубал участок леса, сжигал его и засеивал травой, а потом мы купили коров, вначале штук 6-8, и начали их доить. Со всего молока собирали небольшой бидончик сливок и везли сначала по дороге Гадалова, мимо школы в Бутчерс Крик, потом по дороге Рассела в самую Маланду». Этот бидончик сливок, добытых с таким трудом, долгие годы был для семьи Хоменко, как и для многих их соседей, основным источником дохода. Но они выстояли. Их второй сын Джон родился в 1914 году, а в 1921 году они удочерили девочку Мери. Когда сыновья подросли, они стали возчиками, занимались вывозом деревьев с вырубок. Впоследствии они купили участки 57 и 59, еще дальше расширив границы «Маленькой Сибири».⁴

Семья Прохоровых поселилась с другой стороны от Гадаловых (участок 54) в начале 1916 года Михаил Иванович Прохоров, родившийся в 1880 г. в Екатеринославской губ. (станция Дружковка), был рабочим. В двадцать два года он вступил в РСДРП и стал профессиональным революционером, работая в Мариуполе, Балашове, Оренбурге, Ташкенте. В 1910 году его выслали на два года на поселение в Енисейскую губернию. Оттуда в 1912 году он бежал в Австралию с женой Марией и дочерью Лилей (в Австралии ее звали Лейла). Они приехали в Брисбен в сентябре 1912 года. Михаил несколько лет колесил по Квинсленду—Кэрнс, Гордонвейл, Чиллаго, Таунсвилл.—специализируясь в качестве модельщика отливок и плотника. За время кочевой жизни у них родились еще две дочери и к 1916 году они наконец решили осесть на своей земле. Их выбор пал на Гадгарру, очевидно потому, что там уже существовала русская община, включавшая политических эмигрантов.

Вскоре после того, как они поселились на своем участке гористых джунглей, Мария Прохорова родила сына (11 июля 1916 г.). Говорят, что акушеркой при этом была Александра Константиновна Ильина, жена Николая Ильина, и именно в честь нее мальчика назвали Александром. Лев Толстой полагал, что личность ребенка формируется в первые пять лет его жизни. Если это так, то именно суровые условия жизни Прохоровых в эти ранние годы способствовали тому, что Александр стал первым уроженцем Австралии, получившим Нобелевскую премию. Впрочем, Австралия делит эту славу с Россией, поскольку в 1924 году Прохоровы покинули Австралию и вернулись в Россию. Толчком к этому послужила смерть их старшей дочери, красавицы Лейлы, которая кружила голову всем мальчишкам из их маленькой школы в Бутчерс Крике. Лейла умерла в 1924 г. в Гербертоне, где она училась в средней школе. За несколько лет до этого, в 1921 г., они потеряли еще одну дочь, маленькую Клару.

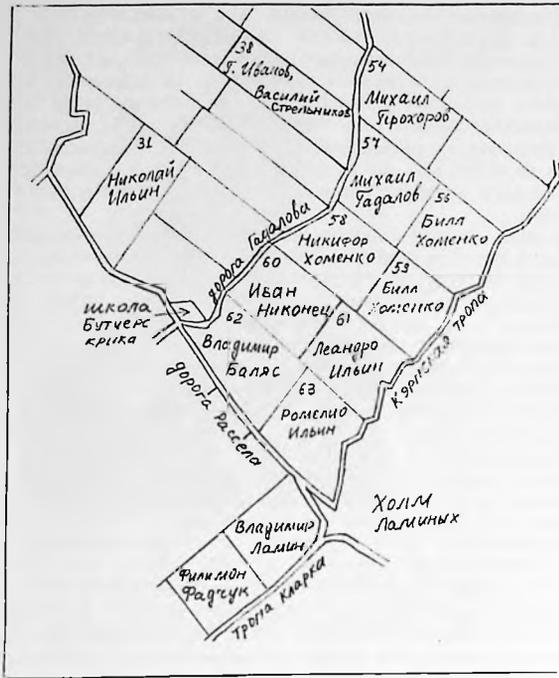
Александр Михайлович Прохоров, после возвращения в Советский Союз, в 1939 г. закончил Ленинградский государственный университет и сделал блестящую научную и административную карьеру в области физики, став одним из основателей квантовой электроники. В 1964 году он стал Нобелевским лауреатом, в 1966 году—академиком АН СССР; с 1969 года он был главным редактором Большой советской энциклопедии. До недавнего времени академик Прохоров оставался загадочной личностью для австралийцев. Профессор Норман Хекенберг из Университета Квинсленда собирал материалы о нем для выставки. Он рассказывает, что в 1996 году, участвуя в международной физической конференции в Санкт-Петербурге, он хотел поговорить с Прохоровым, чтобы убедиться, «сохранилось ли еще у него австралийское произношение, но не смог пробиться к нему—важной персоне советского научного истеблишмента»⁵.

Через дорогу от Гадаловых находился участок 38—гористый лес с кратером погасшего вулкана. В июле 1911 года этот участок взял Гавриил Миронович Иванов (р. 1883), уроженец, как и Николай Ильин, Балашовского уезда Саратовской губернии. Сын крестьян, он увлекся революционной деятельностью, был посажен в тюрьму и сослан пожизненно в Сибирь в 1909 году. Вскоре он бежал в Харбин, где некоторое время, живя под вымышленным именем, работал учителем, а потом, в июне 1910 года, отправился в Брисбен. Возможно здесь он встретил Николая Ильина, своего земляка, и решил присоединиться к их колонии в Гадгарре. Хотя он и не выдержал битвы со скрэбом и в начале 1912 года бросил свой участок, связи с Маленькой Сибирью он сохранил, работая по соседству на строительстве железных дорог или на сахарных заводах, а затем взял новый участок около Бабинды. Он, очевидно, был активным членом Союза русских рабочих, сообщив о том, что в 1915 году он агитировал в Кэрнсе против призыва в армию, даже попало в австралийские газеты.

В 1917 году, после февральской революции, он одним из первых поспешил вернуться на «свою родину, которую он не мог забыть». В заявлении на паспорт он писал, что должен отправиться в Россию, чтобы «позаботиться о своих престарелых родителях и послужить своей стране в минуту испытаний». Иванов покинул Австралию в мае 1917 года с десятками других русских, отправлявшихся на Дальний Восток. Ему не долго пришлось ждать, чтобы оказаться захваченным испытаниями революции и гражданской войны. Позже он писал, что хоть и остался жив, но потерял в этих передерягах все документы, включая и австралийский паспорт. Только в 1921 году Гавриил Иванов смог, наконец, послать отчаянный призыв о помощи австралийским властям через своего бывшего соседа Гадалова, который сделал все, что мог, чтобы помочь Иванову вернуться в их «солнечный Квинсленд». В конце концов им удалось убедить австралийские власти выслать Иванову новые документы для въезда в Австралию. К сожалению, каких-либо сведений о его возвращении в Австралию найти не удалось. Вполне вероятно, что Иванов так и не смог выехать из России. Тем не менее он, возможно, встретился с Гадаловым, когда тот посетил Россию в 1926-27 гг. В своих воспоминаниях Гадалов писал: «Мы поехали в Ростов-на-Дону, где жил один из моих друзей по Австралии. В Австралию он попал как политический эмигрант. Прежде он был школьным учителем где-то на Волге, принял участие в тюремном протесте, был арестован на пороге Московского университета, где он собирался учиться, и сослан на Дальний Восток, откуда бежал в Австралию. На первых порах он, как и я, работал киркой и лопатой. Он мечтал купить ферму сахарного тростника, но

*Rough copy of photo of
Ivanoff - on pp. 1.
Share copy sent to
D. of P. with clericals.*

Маленькая Сибирь

при первых же звуках революции 1917 года он изменил свои планы и вернулся в Россию, чтобы там заняться строительством новой жизни. В 1926 году он был в Ростове-на-Дону главой отдела, занимавшегося экспортом пшеницы в Англию».⁶ Если это действительно был Гавриил Иванов, сделавший карьеру в Советском Союзе, то, вероятнее всего, вскоре ему, как и многим русским политэмигрантам, вернувшимся в Советский Союз, предстояло стать жертвой сталинских репрессий.

А русская история участка 38 продолжалась. После того как Иванов покинул его в 1912 году, расчистив 10 акров, участок в течение полутора лет никто не брал и вырубка успела снова зарастить колючим кустарником. Как раз в это время, в 1913 году, в Брисбен приехали Василий и Мария Стрельниковы. Вскоре они оказались в Маленькой Сибири и взяли брошенный участок. Василий Иванович Стрельников (1875-1965), хотя и родился в центральной России, в Лебедяни, много лет работал в Ташкенте—сначала проводником на железной дороге, потом управляющим в гостинице. Коррупция и воровство достигали в тех местах чудовищных размеров. Василий, который, как рассказывает его сын, «очень сочувствовал беднякам и всегда стоял за правду», испытывал глубокое отвращение к окружающей его среде и в конце концов решил эмигрировать в Австралию. В 1960-х годах Василий написал воспоминания. Рас-

сказывая о первых десяти годах в Гадгарре, он большую часть рассказа посвятил лишь одному эпизоду, который по своей важности, как кажется, перевесил для него все остальные трудности. А их было немало—чего стоила сама тропа к его участку, по которой можно было пробраться лишь верхом на лошади, и заросли непроходимого колючего скрэба, покрывавшего участок, и жизнь в палатке и строительство дома своими руками, и разрушительный циклон, обрушившийся на эти места в 1918 году. Но эпизод этот, так на него подействовавший, обнаружил предвзятое отношение к нему местных властей. Вскоре после того, как Стрельников начал работать на своем участке, он был арестован в Пирамоне констеблем Сири как преступник, у него взяли отпечатки пальцев, надели наручники и бросили в тюремную камеру. В то время английский язык Стрельников знал очень плохо—«стоило мне взять "Самоучитель", как меня начинало клонить ко сну»—и он никак не мог понять, за что же его арестовали. На суде выяснилось, что полицейский решил, что Стрельников нагрузил слишком много на свою лошадь: груз составлял 45 кг досок для строительства дома, которые тот вез с лесопилки (надо сказать, что другие поселенцы возили на лошадях по 90 кг и никто их не арестовывал). Судебное разбирательство кончилось тем, что Стрельников был оштрафован на один шиллинг, но его возмутил совсем не штраф. Он пишет в воспоминаниях: «Я сказал Сири: "Вы же знаете, что я не совершил никакого преступления. Зачем же Вы запытали мое имя?" Он улыбнулся и ничего не ответил, и я понял, что он унизил меня просто без всякой причины». Теперь, 85 лет спустя, его сын, Василий Стрельников, подвел итог этой истории: «Они просто хотели проучить его, потому что он был новый переселенец из неанглоязычной страны. Папа так был расстроен из-за поступка Сири, что он хотел бросить все и вернуться на родину. Но в конце концов они подружились. Сири, бывало, так напивался у папы кваса, что едва мог доехать домой на лошади».

Стрельников был членом Союза русских рабочих в Австралии, но после революции уже никак не был связан с русскими радикалами, которые продолжали будоражить австралийское общество, тем не менее ему пришлось платить по их счетам. Когда в 1915 г. он подал заявление о натурализации, ему было отказано, так как власти решили не натурализовать всех русских, не вступивших в армию. На новое заявление 1918 г. он вновь получил отказ, поскольку к тому времени власти сочли необходимым не представлять натурализацию вообще никому из русских, подозревая их всех скопом в радикализме (но и из Австралии их не выпускали). Стрельников оказался в отчаянном положении—ведь ферма все еще не была его собственностью, так как в полную собственность землю могли взять только натурализовавшиеся иммигранты. К тому же его жена Мария в сыром климате Гадгарры заболела ревматизмом, но, не будучи полноправными владельцами своей фермы, в которую они вложили столько труда и денег, они не могли ни продать ее, ни сдать в аренду и переехать в более сухие места, как это делали некоторые из их соседей. Стрельников писал одно за другим обращения к властям, тратил деньги на адвоката, но даже его вмешательство и попытка воззвать к здравому смыслу властей—«мой клиент никак не связан с радикально настроенными русскими, отказ натурализовать его приведет его к полному разорению»—не в силах были изменить австралийскую «демократию» того времени, которая могла поставить вне закона целый народ.

Трагедия тянулась долгие годы... Впрочем, она могла иметь и другую причину, лежащую в иной реальности. Стрельников и не подозревал, что совершил святотатство, расчистив скрэб вокруг кратера вулкана, находившегося на его участке. Ведь именно в этом кратере, по убеждению местных аборигенов, жила могущественная Змея-радуга, которая могла мстить ему. Этот кратер позже вошел в историю

Австралии как кратер Стрельникова, когда австралийской ученый Питер Кершоу, анализируя осадки пыльцы деревьев, находящиеся в кратере, доказал, что аборигены заселили эти места 40 тысяч лет назад.

В 1923 г., после восьми лет мытарств, Стрельников, наконец, был натурализован и переехал в Марибу. В 1930 г. он продал ферму, а в 1947 г. писал в письме Гадалову, лежавшему в Брисбенском госпитале: «Эта болезнь у Вас, я думаю, приобретена на ферме от тяжелой работы... Сколько Вы затратили здоровья на ферме, давно бы Вам нужно заняться торговлей. Таким людям как ... Хоменко это земной рай на ферме, но Вы деловой человек, Вам не место на ферме». Сам Стрельников, покинув ферму, работал плотником и поваром. Его дети—дочь Алевтина (р. в 1924 г.) и сын Василий (Базил) (р. в 1925 г.)—получили хорошее образование. Они принесли в дом английский язык, австралийскую культуру, а отец учил их революционным песням своей молодости: «Вставай, подымайся, рабочий народ...». Ныне, 60 лет спустя, Базил все еще помнит эти песни, и, что самое главное, он и Алевтина унаследовали от своих родителей их щедрость (Василий умудрялся долгие годы помогать своей сестре в России и спас ее от голодной смерти), неприятие несправедливости и лжи, стремление к знаниям; большинство их детей закончили университеты. Сам Василий, несмотря на все обиды, принял Австралию. «Я особенно ценю то, что в этой стране люди не поступают несправедливо по отношению друг к другу», писал он в воспоминаниях, а в письме Гадалову в 1947 г. он так подытожил свой австралийский опыт: «Кто хочет честно трудиться, тот в этой стране голодный не будет». Единственное, о чем он просил Гадалова, это купить ему в Брисбене немного черной икры и селедку русского засола...⁷

(Окончание следует)

¹ National Archives of Australia (NAA) (ACT): A659/1, 1940/1/7443 Homenko, N. P. – Naturalization; NAA (ACT): A6122/40, 111, Summary of Communism, vol. 1, pp. 133, 138; интервью с Быллом Хоменко (Tape 5B220).

² Е. Говор, Ильины из племени нгаджан,—Австралиада, 1997, № 10, с. 5-9; Н. Ильин. Письма из Австралии.—Новое время, 14 авг. 1913; Queensland State Archives (QSA): LAN/DF 89, Atherton 1545; М. Гадалов, Русские эмигранты в Австралии,—Далекая окраина, 21 авг. 1911 (Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность А.Я.Массову и Г.И. Каневской за выписки из русских газет).

³ Гадалов, Русские эмигранты в Австралии; [M. Gadalov], 'We do not repent having left our native land', in: *Terse Information about Queensland. Queries and Replies*, Brisbane, 1915, pp. 54-55; NAA (ACT): A1, 1926/11686, Gadaloff, M. – Naturalization certificate; QSA: LAN/DF 100, Atherton 1669; М. Гадалов, Воспоминания и личный архив—в собственности семьи Гадаловых, Брисбен; интервью с Петром и Игорем Гадаловыми (Tape 10AB). Благодарю Кетлин Гадалов за предоставление фотографии Михаила Гадалова.

⁴ Tapes 5B037-5B281; NAA (ACT): A659/1, 1940/1/7443, Homenko, N. P. – Naturalization; QSA: LAN/DF 151, Atherton 2615.

⁵ NAA (ACT): A1, 1915/6639, Michael Prochoroff – Naturalization; QSA: B/561–B/563; Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник, М., 1934, с. 520; 'Prokhorov, Aleksandr Mikhailovich', in *Great Soviet Encyclopedia*, vol. 21, New-York–London, 1978, p. 257; J. Schultz, 'From Queensland with distinction', *The Courier-Mail*, 12 April 1997.

⁶ NAA (ACT): A1, 1921/18516, Gabriel Mironovich Ivanoff – Naturalization; QSA: LAN/DF 132, Atherton 2090A; Гадалов. Воспоминания.

⁷ NAA (ACT): A1/1, 1923/27605, Strelnikoff, Vasil – Naturalization; QSA: LAN/DF 132, Atherton 2090A; В. Стрельников, Воспоминания, с. 77-81,—в собственности Б. Стрельникова, Мариба; интервью с Б. Стрельниковым (Tape 11A); Письмо Б. Стрельникова ко мне от 16.12.1997; М. Гадалов, личный архив.

ВЕСНА

*Почему? До сих пор я не знаю -
Каждый год, как приходит весна,
Про Маньчжурию я вспоминаю,
Там бурнее, шумливей она.*

*И когда там весна наступает,
И кусты, и деревья в цвету,
Зелень яркая луг покрывает,
Птицы звонко поют на лету.*

*Тёплый ветер гуляет по крыше,
Кружит, кружит и взад и вперёд,
Он траву молодую колышет,
О весне свою песню поёт.*

*Вот опять уж леса зеленеют,
На траве серебрится роса,
Солнце яркое ласково греет,
Отражает река небеса.*

*Где-то близко кукуют кукушки,
Перекличку ведут кулики,
И кричат, надрываясь, лягушки,
Едут в поле с сохой мужики.*

А. МАТАФОНОВ